

УДК 17:130.2(47)
ББК 87.3(2)522-685

Вера Николаевна Даренская

Луганский государственный педагогический университет, Институт истории и социально-политических наук, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы, Россия, Луганск, e-mail: vera_darenskaya@mail.ru

Софиология Вл. Соловьева как главный фактор «духовного рождения» о. Сергия Булгакова

Аннотация. Предлагается анализ воздействия софиологии Вл. Соловьева на духовный путь С.Н. Булгакова и его формирование как философа и богослова. В качестве главного фактора духовной эволюции о. Сергия рассматривается опыт «откровения Софии», развернутый мыслителем в философско-богословскую концепцию под непосредственным влиянием философии Вл. Соловьева. С использованием метода экзистенциального анализа выявляются ключевые события духовного пути С.Н. Булгакова, которые стали основой его концептуальных построений. В результате анализа установлено, что исходя из собственного опыта познания Софии как особого измерения тварного бытия, связывающего его с Творцом, С.Н. Булгаков демонстрирует преемственность развития русской философии от Вл. Соловьева к мыслителям Серебряного века. Это позволяет говорить о ключевой роли откровения Софии Премудрости Божией как одного из главных элементов русской философской традиции XIX–XX веков. Показано, что, согласно этой философской трактовке, софиология передает важный духовный опыт восприятия человеком сущности тварного мира, не поврежденной Первородным грехом. Отмечается, что этот аспект духовного опыта не был ранее исследован в рамках академического богословия, что привело С.Н. Булгакова к конфликту с традиционным академическим богословием, позволило С.Н. Булгакову преодолеть материалистическое понимание истории. На основе анализа ряда современных подходов софиология о. Сергия трактуется как ценный для современного христианского сознания теологический, представляющий собой ответ русского православного ума на обезбоживание мира, на секулярную картину мира, сложившуюся в рамках науки Нового времени. Пример «духовного рождения» о. Сергия Булгакова рассматривается в качестве яркого образца влияния наследия Владимира Соловьева, его духовного опыта и философской доктрины на последующую историю русской философии.

Ключевые слова: биография С.Н. Булгакова, «духовное рождение», русская философская традиция XIX–XX веков, софиология Вл. Соловьева, теологический, экзистенциальный опыт

Vera Nikolaevna Darenskaya

Lugansk State Pedagogical University, Institute of History and Socio-Political Sciences, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Work, Russia, Lugansk, e-mail: vera_darenskaya@mail.ru

Solovyov's Sophiology as the Main Factor of f. Sergiy Bulgakov's "spiritual birth"

Annotation. The analysis of the influence of V. Solovyov's sophiology on the spiritual path of S.N. Bulgakov and his formation as a philosopher and theologian is proposed. The experience of the "revelation

of Sophia”, developed by the thinker into a philosophical and theological concept under the direct influence of the philosophy of V. Solovyov, is considered as the main factor of the spiritual evolution of Fr. Sergius. Using the method of existential analysis, the key events of S.N. Bulgakov’s spiritual path are revealed, which became the basis of his conceptual constructions. As a result of the analysis, it was found that based on their own experience of cognition of Sophia as a special dimension of created being, connecting it with the Creator, S.N. Bulgakov demonstrates the continuity of the development of Russian philosophy from V. Solovyov to the thinkers of the Silver Age. This allows us to speak about the key role of the revelation of Sophia of the Wisdom of God as one of the main elements of the Russian philosophical tradition of the XIX–XX centuries. It is shown that, according to this philosophical interpretation, sophiology conveys an important spiritual experience of human perception of the essence of the created world, not damaged by Original sin. It is noted that this aspect of spiritual experience has not been previously investigated within the framework of academic theology, which led S.N. Bulgakov to conflict with traditional academic theology, allowed S.N. Bulgakov to overcome the materialistic understanding of history. Based on the analysis of a number of modern approaches, the sophiology of Fr. Sergius is interpreted as a valuable theologumen for the modern Christian consciousness, which is the response of the Russian Orthodox mind to the dehumanization of the world, to the secular picture of the world that has developed within the framework of Modern science. An example of the “spiritual birth” of fr. Sergiy Bulgakov is considered as a vivid example of the influence of Vladimir Solovyov’s legacy, his spiritual experience and philosophical doctrine on the subsequent history of Russian philosophy.

Key words: biography of S.N. Bulgakov, “spiritual birth”, Russian philosophical tradition of the XIX–XX centuries, sophiology of V. Solovyov, theologumen, existential experience

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.2.111-125

Бог... избрал меня, слабого и недостойного, быть свидетелем Божественной Софии и Ее откровения.

о. Сергей Булгаков

Духовный опыт и философская доктрина Владимира Соловьева для последующей истории русской философии приобрели значение базового ориентира, во многом определившего интеллектуальный путь целого ряда мыслителей Серебряного века. Хотя софиологию как особый тип философствования продолжили немногие мыслители, но сам тип софийного восприятия бытия и мышления о бытии стал специфически русским философским стилем. Особенно показательны примеры, когда опыт откровения Софии был столь же ярким и определяющим всю их дальнейшую мысль, и у других мыслителей. К числу таких мыслителей относится С.Н. Булгаков.

Личность Сергея Николаевича Булгакова – одного из крупнейших мыслителей XX века не только российского, но и мирового масштаба – представляет особый интерес как образец подвижнического пути духовного развития. *О. Сергей яркий образец русского человека, преодолевшего многочисленные духовные искушения и прошедшего путь от соблазнов марксизма к Православию.* Это яркий образец «собственных Платонов» (М. Ломоносов) – тех универсальных умов, которые может рождать Россия. Личность отца Сергея еще

при жизни поражала современников, понимавших его масштаб как мыслителя: в 1948 году в Париже вышло фундаментальное двухтомное исследование его творчества, начатое автором еще при его жизни – книга Л. Зандера «Бог и мир»¹. В наше время именем С.Н. Булгакова названа площадь в Ливнах, с 1996 года в городе существует Лицей имени С.Н. Булгакова, а памятник ему установлен в Ливнах рядом с бывшим мужским Свято-Сергиевским монастырём. Уже в XXI веке изданы собрание работ «Булгаков С.Н. Pro et contra» (2003 г.), исследование на французском языке Антуана Аржаковского *Le père Serge Boulgakov, un philosophe et un théologien chrétien* (Paris, 2007 г.), биографическая книга Д.А. Крылова «Сергей Булгаков» (2016 г.)². Целью настоящего исследования является анализ духовного подвига С.Н. Булгакова как человека, прошедшего путь от атеизма к Православию благодаря откровению Софии через восприятие наследия В.С. Соловьева.

Л. Зандер в упомянутом исследовании определил духовный переворот в биографии С.Н. Булгакова как отход от марксизма на основе освоения «конкретного идеализма» философии Вл. Соловьева, а затем – «духовный прыжок» к принятию Православия и воцерковлению³. Д.А. Крылов отмечает, что поворотным моментом в творчестве С.Н. Булгакова, с которого он, собственно, и становится философом, стала его статья 1903 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» под названием «Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева?». Важно, что перед этим С.Н. Булгаков прочитал цикл публичных лекций в Киеве, Полтаве и Кишиневе на тему «О философских воззрениях Вл. Соловьева». Очевидно, он настолько был вдохновлен духовным переворотом, который произвел в нем Вл. Соловьев, что хотел поделиться этим с самой широкой аудиторией. «В философской доктрине Вл. Соловьева, – пишет Д.А. Крылов, – ученый увидел путь к положительному христианскому вероучению... Сюда же относится и его первая попытка рассмотрения идеи Софии в соловьевской интерпретации. В дальнейшем тема Софии будет едва ли не главной для творчества мыслителя... Пока же понятие Софии, или человечества, служит для Булгакова одним из принципов соловьевского универсализма, дающего выход к пониманию космологической проблемы. Последняя переводится им в проблему “об отношении Бога, или абсолютного совершенства, к несовершенному миру, то есть о возможности существования этого несовершенного мира”... Приняв идею всеобщего синтеза, он провозглашает необходимость появления “школы всеединства” и призывает идти за Соловьевым» [2, с. 34–35].

Исследователь И.И. Евлампиев писал о том, что избавлением от марксистского «искушения» для С.Н. Булгакова стало «жизненно-конкретное (мож-

¹ Зандер Л.А. Бог и мир (Мирозозерцание отца Сергия Булгакова). Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1948. 480 с. [1].

² Крылов Д.А. Сергей Булгаков. СПб.: Наука, 2016. 255 с. [2].

³ См.: Зандер Л. Бог и мир (Мирозозерцание отца Сергия Булгакова). С. 31.

но было бы сказать, экзистенциальное) проникновение в тайну человеческой личности»⁴. В новейшем книге американской исследовательницы Е. Евтуховой отмечается уникальность «творческой персоны» Булгакова, который идет к новым идеям через резкие перемены, сдвиги и сломы, путем идейных потрясений, причем исходным пунктом его философского развития стали «вариации на тему Софии Соловьева»⁵.

Священник в седьмом поколении, С.Н. Булгаков, вопреки воле родителей, в юности прервал эту семейную традицию, вернувшись к ней уже в зрелые годы, пройдя искушения интеллигентским безбожием. Повторив путь многих «поповских детей» XIX века, он ушел из семинарии в университет. В 19 лет он выбрал юридический факультет, приковав себя, «как каторжник к тачке», к политической экономии, чтобы «приносить пользу обществу». Там господствовал марксизм как якобы «последнее слово» экономической науки. В 1898 году он был направлен в двухлетнюю командировку в Европу для подготовки диссертации. В Германии он лично познакомился с вождями социал-демократии А. Бебелем, К. Каутским, Э. Бернштейном и др., вступил в переписку с Г. Плехановым. Но в своем исследовании «Капитализм и земледелие» С.Н. Булгаков пришёл к заключению, что закон концентрации производства не действует в сельском хозяйстве, что ставило под сомнение марксистскую теорию.

Он вернулся в Россию с фундаментальным исследованием (в 2 томах, почти 800 страниц), которое хотел защитить как докторскую диссертацию. Однако большинство членов ученого совета Московского университета оказались не согласны с булгаковской критикой марксизма. Диссертация была допущена к защите только как магистерская. И этот факт весьма характерен: в Российской Империи тогда фактически была абсолютная свобода взглядов, и поэтому университеты были главными рассадниками марксизма в экономической теории. После получения степени магистра он стал профессором Киевского политехнического института, а с 1906 года профессором Московского коммерческого института (по 1918 год). В этом же году был избран депутатом II Государственной Думы (как беспартийный «христианский социалист»). В это время он уже участвует в религиозно-философском возрождении – публикуется в журналах «Новый путь» и «Вопросы жизни», сборнике «Проблемы идеализма» (1902 г.). В 1903 году он издает сборник своих статей «От марксизма к идеализму» – знаковый для начала русского религиозного Ренессанса. В 1905 году в дни первой русской революции С.Н. Булгаков пишет статью «Героизм и подвижничество», в которой пишет о «двух путях» русской интеллигенции. Героизм – это попытка изменить общество внешними средствами, сменив один

⁴ См.: Евлампиев И.И. Религиозный идеализм С.Н. Булгакова: «за» и «против» // С.Н. Булгаков: pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2003. С. 9 [3].

⁵ См.: Евтухова Е. Серп и крест: Сергей Булгаков и судьбы русской религиозной философии (1890–1920): пер. с англ. СПб.; Бостон: Academic Studies Press, 2021. С. 348–349 [4].

класс другим, с применением насилия и террора и с полным пренебрежением к духовному и нравственному содержанию собственной личности. Подвижничество – это иной путь, предполагающий, прежде всего, изменение, преображение собственной личности. С.Н. Булгаков был не просто участником знаменитых «Вех», но и одним из главных выразителей «веховства» как идейного движения, призывавшего интеллигенцию к отрезвлению, отходу от стадной морали, утопизма и революционерства – к работе на духовное развитие общества, а не на его политическое разрушение.

Будучи одним из основателей «Союза освобождения» (1903 г.), Булгаков уходит из него, когда этот союз трансформируется в кадетскую партию. Он пытается создать «Союз христианской политики» – и через несколько лет понимает, что сама идея такого проекта наивна и утопична. Происходит радикальный поворот в его жизни – «от марксизма к идеализму», от политической экономии к философии. Следующим важнейшим шагом было возвращение в Православие. Но возвращение блудного сына в Отчий дом было нелёгким. Несколько лет он не решался переступить через порог храма и барьер в собственной душе. Вот одно из ярких его воспоминаний: «Однажды, в Чистый четверг, зайдя в храм, увидел я (тогда “депутат”) причащающихся под волнующие звуки: “Вечери Твоя Тайныя...”. Я со слезами бросился вон из храма и плача шел по московской улице, изнемогая от своего бессилия и недостойнства» [5, с. 65]. Но полгода спустя он всё-таки исповедовался и причастился, первый раз со времён своей юности.

Тяжелая, но благодатная духовная работа совершалась в душе мыслителя всё первое десятилетие XX века и нашла свое итоговое выражение в его книге «Философия хозяйства» (1912 г.). 21 сентября 1912 г. в Большой богословской аудитории Московского университета состоялась защита докторской диссертации С.Н. Булгакова «Философия хозяйства». Первый том этой работы вышел в том же году отдельной книгой и в настоящее время относится к признанной классике русской философии. В ней хозяйственная деятельность человека трактуется как соработничество с Богом в деле преображения мира и рассматривается не только с экономических, но и с философских и религиозных позиций. Такого исследования мировая наука не знает до сих пор. Разочаровавшись в «христианском социализме», С.Н. Булгаков не оставил идею социального христианства и наиболее полно выразил свое понимание этой идеи в статье «Православие и хозяйственная жизнь» (вошла в его посмертную книгу «Православие», 1964 г.), в которой писал: «Православие не может себя связать ни с каким из существующих классов (хотя это и хотят ему навязать справа и слева). Христианство стоит *выше* классов с их ограниченностью и эгоизмом» [6, с. 244–245].

Главным импульсом к духовному перевороту для С.Н. Булгакова стала, по его собственному признанию, софиология В.С. Соловьева, открывшая ему совершенно иной аспект бытия и разрешившая те противоречия, которые со-

здавала в его сознании борьба научного и религиозного мировоззрения⁶. Он писал: «София светится в мире как первозданная чистота и красота мироздания, в прелести ребенка и в дивном очаровании зыблущегося цветка, в красоте звездного неба и пламенеющего солнечного восхода (в лучах которого лице-зрел ее в Сахарской пустыне юноша Вл. Соловьев, – см. в стихотворении “Три свидания”). И эти лучи софийности в природе именно и составляют притягательность «естественного» состояния, которое в действительности есть выше-естественное, сверхприродное по отношению к теперешнему состоянию твари» [8, с. 190].

Это онтологическое прозрение, которое сделал для себя С.Н. Булгаков благодаря откровению Софии и осмыслению им философского и поэтического наследия В.С. Соловьева, он развертывает в формулировке собственной онтологической и гносеологической концепции следующим образом: «Ratio, научный или теоретический разум, возникает на развалинах софийности, отражающей на себе Логос. Теперь этот Логос скрывается в онтологию, остается лишь внутренней и скрытой связью вещей, которую ищет в ночной тьме со своим фонарем ratio... Становясь царством объектов, мир делается материальным. На него опускается косная тяжесть материального бытия с его безжизненностью. Если жизнь и сохраняется в нем, то только потому, что семена жизни, посеянные Творцом, неистребимы, и метафизический переворот коснулся только состояния, но не состава мира, он мог погрузить его лишь в состояние мертвенности, обморочности, но не умертвить семена жизни» [8, с. 190–191]. В свою очередь, это заставляет С.Н. Булгакова сделать выводы и относительно сущности человеческого познания, его онтологической основы. Здесь он ссылается в большей степени на «Философию Откровения» Шеллинга, хотя его исходной интуицией все равно остается откровение Софии. Он пишет: «Истина не есть предмет дискурсивного, теоретического знания, основанного на раздвоенности субъекта и объекта и на распаде бытия, сопровождаемого обособлением его элементов. Истина лежит по ту сторону знания... но ей становятся сопричастны те, кто удостоивается стать органом ее откровения. Она не познается в науках, но открывает себя неизъяснимым на языке дискурсивного мышления и в этом смысле чудесным, интуитивным путем» [8, с. 195–196].

Поскольку в его книге исследуется онтология хозяйственной деятельности человека, то в этом контексте переосмысливается софийное начало истории человечества в его еще райском бытии. «До своего грехопадения человек, – писал С.Н. Булгаков, – будучи естественным владыкой мира в качестве проводника софийности, живого орудия Божественной Софии, вводится Богом в “сад Эдемский”... София правит историей как Провидение, как объективная ее

⁶ О влиянии наследия В.С. Соловьева на духовные искания С.Н. Булгакова см.: Гордеев А.С. Влияние философии положительного всеединства Вл. Соловьёва на учение о Софии и философии хозяйства в работах о. Сергия (Сергея Булгакова) // Соловьёвские исследования. 2008. № 16. С. 195–205 [7].

закономерность, как закон прогресса... Только в софийности истории лежит гарантия, что из нее что-нибудь выйдет и она даст какой-нибудь общий результат» [8, с. 193–194].

Тем самым даже при поврежденности человечества Первородным грехом София продолжает быть онтологической основой исторического процесса: «История организуется из внеисторического и запредельного центра, София земная возрастает только потому, что существует мать ее София Небесная, ее зиждительными силами, ее водительством... В софийности природы обосновывается и объектив но-логическая связь вещей, ее закономерность, которая устанавливается в науках» [8, с. 195].

Каковы были предпосылки столь фундаментального духовного переворота в жизни мыслителя? С.Н. Булгаков принадлежал к классическому типу «русских самородков» – чем бы ни занимался, везде он достигал самых высот. Когда он был марксистом, «сам» Плеханов объявил его «надеждой русского марксизма». С.Н. Булгаков ушёл от марксизма в религиозную философию – и быстро стал одним из лучших её отечественных представителей. А по возвращении в Церковь – он член Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг., где избирается в Высший церковный совет, становится ближайшим сподвижником патриарха Тихона, и святитель даже поручает ему написать текст своего первого послания, возвещающего о вступлении на патриарший престол.

«Левитская моя кровь говорила все властнее и душа жаждала священства, рвалась к алтарю», – признавался философ [6, с. 37]. Но для известного профессора священство было «юродством». Кроме того, его жена, также вышедшая из марксистской среды, тогда ещё была далека от Церкви; её внутреннее обращение началось только в годы революции и Гражданской войны. С.Н. Булгаков попросил у патриарха благословения на священство, и на Троицу 1918 г. был рукоположен в дьяконы, а на следующий день – Духов день – в иереи. На хиротонии присутствовали Михаил Новосёлов, Николай Бердяев, Пётр Струве, Евгений Трубецкой, Вячеслав Иванов, Лев Шестов и другие друзья о. Сергия, бывшие в то время в Москве. Таинство совершал епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский). В алтаре ему сослужил отец Павел Флоренский, ближайший отцу Сергию человек, тот единственный, кого он в письмах называл Другом – всегда с заглавной буквы. Сразу же после рукоположения отец Сергей был исключён из числа преподавателей Московского университета. «Как, действительно, священник есть иной человек, новая тварь! – писал он из Крыма отцу Павлу Флоренскому. – На всю свою прошлую жизнь я смотрю, как, вероятно, смотрит душа покойника на сброшенное тело или бабочка на свою куколку... Я священник теперь и только священник» [9, с. 160]. В этой формулировке ярко выражено *софийное восприятие мира и ощущение реального преображения собственной личности*. После рукоположения отец Сергей отправился в Крым к семье, но Гражданская война не дала ему вернуться в Москву.

Восприятие революции С.Н. Булгаковым, который вот-вот станет отцом Сергием, показывает уже большую духовную зрелость и способность «различения духов» (1 Кор. 12:10). Он вспоминал: «У меня была смерть на душе. Революция была мне только постыла и отвратительна. Я хорошо помнил революцию 1905 года, чтобы не предаваться ни в какой мере обаянию... И, вместе с тем, я любил Царя и изнывал в тревоге за Царскую семью. Однако был момент малодушия, когда я захотел выдавить из себя радость, слиться с народом в его “свободе”. Не хватило характера презирать и негодовать до конца. Я шёл по Остоженке в народном шествии в день парада и пьянил себя. Однако этого хватило на полчаса, и ничего не вышло, кроме омерзения. Я видел и чувствовал, что пришел красный хам, что жизнь становится вульгарной и низкой, и нет уже России» [10, с. 312]. Здесь проявилось не просто эстетическое неприятие революции, которое вообще было свойственно мыслителям Серебряного века, но именно софийное её неприятие – восприятие революции как безблагодатного действия, нарушающего богоустановленный порядок. Но особенно важно такое его свидетельство: «Революцию я пережил трагически, как гибель того, что было для меня самым дорогим, сладким, радостным в русской жизни, как гибель любви. Да, для меня революция именно и была катастрофой любви, унесшей из мира ее предмет и опустошившей душу, ограбившей ее... В предреволюционной России был такой безумец, который носил в сердце стыдливую и до конца не высказанную трагиду любви, которая все время и попиралась ее объектом. Я любил Царя, хотел Россию только с Царём, и без Царя Россия была для меня и не Россия» [10, с. 295]. Так у бывшего марксиста и врага самодержавия вдруг из самой глубины души поднялось столь мощное чувство любви к царю, что поразило его самого. Однако это не удивительно, ведь С.Н. Булгаков был человеком из самой глубины народа, причем из его духовной части, священнической в седьмом поколении. Именно поэтому в нем спонтанно поднялось народное чувство святой и жертвенной любви к царю, которое воспитывалось в русском народе веками, которое сохраняло народ в самых тяжких исторических испытаниях, давая силы для спасения России. И в этой формулировке С.Н. Булгакова также достаточно очевидно выражены софийные аспекты царской власти, сущность которой выше рационального понимания, но дается по благодати.

Если часто цитируемые слова Троцкого: «Если бы белые выбросили лозунг кулацкого царя, то мы бы не продержались и двух недель» – могут быть и не вполне достоверными, то абсолютно достоверным является свидетельство из дневника Зинаиды Гиппиус от 18 ноября 1917 г. (т.е. уже всего через 10 дней после установления диктатуры большевиков): «...вторник (поздно) ...Матрос прямо заявил: – А мы уж царя хотим. – Матрос! – воскликнул бедный Ив. Ив. – Да вы за какой список голосовали? – За четвёртый (большевицкий). – Так как же...?? – А так. Надоело уж всё это... Солдат невинно подтвердил: – Конечно, мы царя хотим. И когда начальствующий большевик крупно стал ругаться – солдат вдруг удивился, с прежней невинностью: – А я думал, вы это одобри-

те...» [11, с. 338]. Переживания С.Н. Булгакова были прямым выражением души народа, его глубоких чувств. Бессознательно народная масса так же сразу же почувствовала, как рушатся сами устои бытия, а не только государственный порядок, что быстро привело многих к «реакционным» настроениям. Это свидетельство того, что смутная интуиция софийности бытия составляла суть народного мировоззрения.

В годы Гражданской войны отец Сергей находился в Крыму и, будучи оторван от иерейского служения, интенсивно работал над новыми философскими трудами. В написанных тогда сочинениях «Философия имени» (1920 г., изд. 1953 г.) и «Трагедия философии» (1920 г., немецкое изд. 1928 г.) развёрнута его мощная философская система. В заметке корреспондента газеты «Таврический голос» «Проф. о. С. Булгаков и его лекция» от 22 сентября (5 октября) 1919 г. читаем: «Отдав в своё время дань марксизму, С.Н. в конце концов принял сан священника, не оставляя в то же время своей учёной работы. Он не только является представителем русской науки, но и выразителем русской души, народной совести, всю свою жизнь посвятив поискам, на которые способен лишь человек с кристаллически чистой душой, светлым большим умом и любящим, стремящимся проникнуть в тайны Вечности сердцем» [12, с. 132].

Известный историк философии П. Адо откликнулся на французский перевод работы С.Н. Булгакова «Трагедия философии». Он писал: «нужно исследовать “тринитарную” историю самой философии, анализируя роль догмата троичности в эволюции философской мысли, и это последнее исследование показало бы нам, что христианская троича предоставила философу, независимо от того, является ли он верующим или же нет, модель реальности, абсолютно уникальную и парадоксальную, обязывающую мысль понимать необходимость преодоления классической логики. Книга Сергея Булгакова... дает также своего рода моральный урок познающему разуму, помогая нам увидеть, заново открыв глаза, еретический, то есть произвольный и односторонний, характер систематической философии» [13, с. 169]. Такой взгляд на историю европейской философии стал возможен только на основе «софийного» мышления о. Сергея. Этот тип мышления достиг своего завершения в его концепции «троичного мышления» как результата сосредоточения ума на Пресвятой Троице. Современный исследователь Джузеппе Ло Верде в статье «Философия троичности С. Булгакова» пишет о том, что проблема человеческого сознания у Булгакова находит свое уникальное объяснение в Первообразе, «в Троичности триипостасной Божественности», поскольку троичность образа Бога понятна и близка нам через нашу собственную природу и ее тринитарную сущность⁷.

30 декабря 1922 г. философ отправляется из Крыма в изгнание и после недолгого пребывания в Константинополе прибывает в Прагу, где в мае 1923 г.

⁷ См.: Джузеппе Ло Верде. Философия троичности С. Булгакова // Вестник РГГУ. 2017. № 1. С. 122 [14].

занимает должность профессора церковного права и богословия на юридическом факультете Русского научного института. В 1925 г. переезжает в Париж, и здесь при активном участии о. Сергия осуществляется проект создания Православного Богословского института. С момента его открытия и до дня своей кончины отец Сергей был инспектором института, а также профессором кафедры догматического богословия, читал курсы «Священное Писание Ветхого Завета» и «Догматическое богословие».

Уже в 1930-е годы о. Сергей придал окончательную форму своему учению, создав богословскую систему. Основу ее составляет «большая трилогия» – книги «Агнец Божий» (1933 г.), «Утешитель» (1936 г.), «Невеста Агнца» (1945 г.). Данная система развивала учение о Софии Премудрости Божией, впервые изложенное еще в «Философии хозяйства», а также учение Вл. Соловьёва о Богочеловечестве как анализ восхождения тварного мира к соединению с Богом. О. Сергия обвинили в так называемой «софиологической ереси», хотя в официальных церковных документах слово «ересь» по отношению к его учению не употреблялось. (И если бы софиология была официально признана ересью, то о. Сергия по церковным законам должны были бы запретить в служении и тем более запретить ему преподавать, но ничего подобного не произошло.) На обвинение В.Н. Лосского в том, что софиология якобы основана на смешении понятий природы и ипостаси, современный автор А. Аржаковский отвечает, что учения В.Н. Лосского и о. Сергия Булгакова основаны «на разных типах религиозного опыта», и поэтому авторы вкладывают разный смысл в используемые ими понятия. О. Сергей, по мнению А. Аржаковского, как раз очень традиционен и опирается на святоотеческую традицию, понимая Премудрость как «одно из главных свойств божественной Природы», а не Ипостась, и поэтому никак не может обвиняться в ереси⁸.

Тем самым учение о. Сергия следует отнести к так называемым теологуменам, то есть частным богословским мнениям, которых в истории Церкви было много – вплоть до того, что иногда разные богословы, ныне канонизированные как святые, придерживались прямо противоположных мнений. С богословской точки зрения существование теологуменов не противоречит единству истины Православия, но лишь свидетельствует об ограниченности индивидуального человеческого ума и попускается Богом ради нашего смирения. Отец Сергей написал мощное опровержение на это обвинение еще за несколько лет до зарубежной дискуссии («Докладная записка митрополиту Евлогию», 1927 г.); он никогда не отказывался от софиологии, ибо еще в 1921 году был уверен: «Бог... избрал меня, слабого и недостойного, быть свидетелем Божественной Софии и Ее откровения» [16, с. 114–115]. Его концепция в общей формулировке такова: «Жизнь Божия есть... положительное Всеединство, и *Всеединство* есть природа Божия. В этом качестве природа Божия, как абсо-

⁸ См.: Джузеппе Ло Верде. Философия троичности С. Булгакова // Вестник РГГУ. 2017. № 1. С. 115.

лютное содержание жизни Божией, есть то, что в Слове Божиим... зовется: Премудрость Божия, София. Таким образом, *Божественная София* есть ничто иное как *природа Божия, усия*, понимаемая не только как сила и глубина, но и как раскрывающееся содержание, как *Всеединство*. Когда мы говорим о Боже-стве Бога, то разумеем одновременно Его природу и как неоткрытую глубину, источник жизни, и как открытую, – самую жизнь, причем и источник жизни, и самая жизнь тождественны, как тождественны Усия и София» [17, с. 125]. Таким образом, София не является четвертой ипостасью Святой Троицы, в чем обвиняли о. Сергия, но есть единая природа Божья. А София Божественная, положенная вне Себя творческим актом Божиим, становится Софией тварной, то есть основой тварного мира.

Последнюю свою книгу «Апокалипсис Иоанна» (изд. 1948 г.)⁹ о. Сергей закончил незадолго до смерти. Эта работа, ставшая его духовным завещанием, показывает завершающую книгу Библии как важный инструмент духовного анализа будущих судеб человечества¹⁰.

Особый опыт отца Сергия – это опыт смерти, который тоже весьма важен для понимания его личности. Первый раз он пережил клиническую смерть от острого воспаления легких в 1926 году. Вернувшись к жизни, отец Сергей чувствовал себя «новорождённым», «освобожденным от тяжести греха», ибо его «греховное существо» было «прожжено огненной пещью»; через жизнь прошла «освобождающая рука смерти»¹¹. Второй раз он умирал в 1939 году от рака гортани, после операции он не мог ни говорить, ни глотать, ни дышать. В мучительном удушье – ему вдруг явилось откровение, «потрясающее и страшное»: «Я умирал во Христе, и Христос со мной и во мне умирал». *Христос был рядом*. «Он мог помочь мне в моем страдании и умирании, только страдая и умирая со мной» [5, с. 143]. Первый раз, умирая, отец Сергей испытал смерть с ее светом и освобождением; второй раз умирание было сопереживанием крестной смерти Спасителя. На этом личном опыте основана его потрясающая статья «Софиология смерти».

Третье, последнее его умирание было летом 1944 года – сохранились записи тех, кто ухаживал за отцом Сергием в последние дни его жизни. 5 июня 1944 года он отслужил последнюю в своей жизни литургию, а следующей ночью случился апоплексический удар. На пятый день, когда он уже много часов был без сознания, случилось преображение: «Лицо отца Сергия постепенно начало светлеть и озарилось таким нездешним светом, что мы замерли, боясь поверить тому, что нам дано было увидеть. Ясно было, что душа отца Сергия,

⁹ См.: Прот. Сергей Булгаков. Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования). Paris: YMCA-Press, 1948. 354 с. [18].

¹⁰ См.: Даренский В.Ю. Эсхатологическая антропология прот. Сергия Булгакова в труде «Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования)» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии (РХГА). 2016. Т. 17, Вып. 3. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 40–53 [19].

¹¹ См.: Булгаков С., прот. Автобиографические заметки / 2-е изд. С. 139.

проходившая какие-то таинственные пути, в это мгновение приблизилась к Престолу Господню и была озарена светом Его славы. Почти два часа продолжалось это дивное явление, но это мог быть миг, и век – время для нас остановилось. Мы присутствовали при таком несомненном озарении Духом, при таком “реальном опыте святости”, который трудно было вместить» (из записи монахини Феодосии) [20, с. 85]. Такой уникальный феномен физического преображения о. Сергия в момент смерти является неоспоримым свидетельством вхождения Софии в самую его жизнь.

С.Н. Булгаков благодаря выдающимся интеллектуальным и духовным качествам прошел путь от марксизма к православному священству. Однако и в наше время еще встречаются обвинения (в основном, светскими философами) о. Сергия в «гностицизме», но они свидетельствуют о явно неадекватном истолковании им сути софиологии. Как писал еще Л. Зандер, Св. София понимается о. Сергием строго догматически «в соответствии с откровением и Премудрости Божией в Ветхом Завете» [1, с. 184]. Тем самым, Св. София понимается о. Сергием строго в рамках библейского Откровения и нет оснований для обвинения его в «гностицизме» как языческом учении. У о. Сергия имеет место такое истолкование Священного Писания, которое отвечало на вызовы XX века, однако оказалось непривычным для ряда представителей академического богословия, по этой причине усмотревших в нем ересь. Однако в наше время ситуация меняется. Примером этого является статья священника Максима Никулина «К вопросу об отношении к софиологии прот. Сергия Булгакова», в которой он пишет: «Русская софиология является ценным вкладом в современное православное богословие. Теология есть попытка на культурно-философском языке эпохи и с учетом актуальных вопросов современности выразить вечное Божественное Откровение. Любая такая попытка остается частичной, неполной, содержащей неточности, может и ошибки, которые должны быть выявлены и уточнены соборным церковным сознанием. Тем не менее... многие спорные вопросы софиологии могут иметь патристическое основание. Так, на наш взгляд, приемлемым для православного сознания является истолкование софиологии прот. Сергия Булгакова в свете учений св. Максима Исповедника о предвечных логосах творения и св. Григория Паламы о нетварной божественной энергии» [21, с. 63].

В чем состоит главная мировоззренческая ценность этого учения, остающегося в статусе частного богословского мнения, не принятого Церковью в качестве обязательного? Софиология, существующая и в других вариантах (у Вл. Соловьева, о. Павла Флоренского и др.), – это в первую очередь ответ русского воцерковленного ума на обезбоживание мира, на картину мира как «автомата», управляемого мертвыми научными законами, в котором якобы нет ни Божией благодати, ни человеческой души. Такой образ мира создан современной цивилизацией, отвернувшейся от Христа. Для того чтобы вернуть подлинно библейское, православное понимание сущности тварного мира, и была

создана софиология. Она передает важный духовный опыт восприятия человеком сущности тварного мира, не поврежденной Первородным грехом. Это опыт имеет экзистенциальный характер, он связан в внутриличностными процессами духовного становления, но он не в полной мере выражен в академическом богословии. Немецкий философ Михаэль Френч в своей книге «Лик Премудрости» показывает, что русская софиология В. Соловьева, свящ. П. Флоренского и прот. С. Булгакова является высшим синтезом двух главных течений христианской философии – «метафизики сущности» и «метафизики свободы». Тем самым софиология преодолевает разрыв и антагонизм между онтологизмом и персонализмом¹². Духовная биография о. Сергия Булгакова является ярким образцом влияния наследия Владимира Соловьева на всю последующую русскую философию. Откровение Софии, данное В.С. Соловьеву, стало отправной точкой и главным импульсом духовного переворота в жизни о. Сергия, который пережил подобное откровение, заложившее основы его православного мировоззрения.

Список литературы

1. Зандер Л.А. Бог и мир (Мирозерцание отца Сергия Булгакова). Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1948. 480 с.
2. Крылов Д.А. Сергей Булгаков. СПб.: Наука, 2016. 255 с.
3. Евлампиев И.И. Религиозный идеализм С.Н. Булгакова: «за» и «против» // С.Н. Булгаков: pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2003. С. 7–59.
4. Евтухова Е. Серп и крест: Сергей Булгаков и судьбы русской религиозной философии (1890–1920) / пер. с англ. СПб.; Бостон: Academic Studies Press, 2021. 400 с.
5. Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1991. 166 с.
6. Булгаков С.Н. Православие. Автобиографическое. М.: Фолио, 2001. 471 с.
7. Гордеев А.С. Влияние философии положительного всеединства Вл. Соловьева на учение о Софии и философии хозяйства в работах О. Сергия (Сергея Булгакова) // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 16. С. 195–205.
8. Булгаков С.Н. Философия Булгакова С.Н. Письмо к П.А. Флоренскому, 17 августа 1922 // С.Н. Булгаков: Pro et contra. Т. 1. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2003. С. 159–188.
9. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 465 с.
10. Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991. 350 с.
11. Гиппиус З.Н. Дневники: 1893–1919 // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 8. М.: Русская книга, 2003. 576 с.
12. Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историко-источниковеда. Симферополь: Н. Оріанда, 2010. 408 с.
13. Адо П. Философия как тринитарная ересь (по поводу книги Сергея Булгакова «трагедия философии») // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 158–170.
14. Джузеппе Ло Верде. Философия троичности С. Булгакова // Вестник РГГУ. 2017. № 1. С. 109–126.

¹² Френч М. Лик Премудрости. Дилемма философии и перспектива софиологии. СПб.: Изд-во «Росток», 2015. С. 12 [22].

15. Arjakovsky A. *Le pere Serge Boulgakov, un philosophe et un theologien chretien*. Paris, Parole et Silence, 2007. 210 p.

16. Булгаков С.Н. Ялтинский дневник, 22 сентября 1921 // С.Н. Булгаков: pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2003. С. 112–143.

17. Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. 1. Paris: YMCA-Press, 1933. 470 с.

18. Прот. Сергей Булгаков. Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования). Paris: YMCA-Press, 1948. 354 с.

19. Даренский В.Ю. Эсхатологическая антропология прот. Сергея Булгакова в труде «Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования)» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии (РХГА). 2016. Т. 17, вып. 3. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 40–53.

20. О последних днях отца Сергея (запись очевидца) // Вестник РХД. 1971. № 101–102. С. 85–86.

21. Священник Максим Никулин. К вопросу об отношении к софиологии прот. Сергея Булгакова // Актуальные вопросы церковной науки. 2020. № 2. С. 59–65.

22. Френч М. Лик Премудрости. Дилемма философии и перспектива софиологии. СПб.: Изд-во «Росток», 2015. 527 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Bulgakov, S., prot. *Avtobiograficheskie zametki* [Autobiographical notes]. Paris: YMCA-Press, 1991. 166 p.

2. Bulgakov, S.N. Pis'mo k P.A. Florenskomu, 17 avgusta 1922 [Letter to p. A. Florensky, August 17, 1922], in *S.N. Bulgakov: Pro et contra*. Vol. 1. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2003, pp. 159–188.

3. Bulgakov, S.N. *Pravoslavie. Avtobiograficheskoe* [Orthodoxy. Autobiographical]. Moscow: Folio, 2001. 471 p.

4. Bulgakov, S.N. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of economy]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2009. 465 p.

5. Bulgakov, S.N. *Khristianskiy sotsializm* [Christian socialism]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 350 p.

6. Bulgakov, S.N. Yaltinskiy dnevnik, 22 sentyabrya 1921 [Yalta diary, September 22, 1921], in *S.N. Bulgakov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Bulgakova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya. T. 1* [S.N. Bulgakov: pro et contra. Bulgakov's personality and creative work in the assessment of Russian thinkers and researchers. Anthology. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2003, pp. 112–143.

7. Bulgakov, Sergiy, prot. *Apokalipsis Ioanna (Opyt dogmaticheskogo istolkovaniya)* [The Apocalypse of John (The experience of dogmatic interpretation)]. Paris: YMCA-Press, 1948. 354 p.

8. Bulgakov, Sergiy, prot. *Agnets Bozhiy. O Bogochelovechestve. Ch. 1* [Lamb of God. About God-Manhood. Part 1]. Paris: YMCA-Press, 1933. 470 p.

9. Gippius, Z.N. Dnevniki: 1893–1919 [Diaries: 1893–1919], in Gippius, Z.N. *Sobranie sochineniy. T. 8* [Collected works. Vol. 8]. Moscow: Russkaya kniga, 2003. 576 p.

Individual Works

10. Arjakovsky, A. *Le pere Serge Boulgakov, un philosophe et un theologien chretien*. Paris: Parole et Silence, 2007. 210 p.

11. Filimonov, S.B. *Iz proshlogo russkoy kul'tury v Krymu: poiski i nakhodki istorika-istochnikoveda* [From the past of Russian culture in the Crimea: searches and finds of the source historian]. Simferopol: N. Orianda, 2010. 408 p.
12. French, M. *Lik Premudrosti. Dilemma filosofii i perspektiva sofologii* [The Face of Wisdom. The dilemma of philosophy and the perspective of sociology]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Ros-tok», 2015. 527 p.
13. Krylov, D.A. *Sergey Bulgakov* [Sergej Bulgakov]. Saint-Petersburg: Nauka, 2016. 255 p.
14. Zander, L.A. *Bog i mir (Mirosozertsanie ottsa Sergiya Bulgakova). T. 1* [God and the World (The Worldview of Father Sergiy Bulgakov). Vol. 1]. Paris: YMCA-Press, 1948. 480 p.

(Articles from Scientific Journals)

15. Ado, P. *Filosofiya kak trinitarnaya eres' (po povodu knigi Sergeya Bulgakova «tragediya filosofii»)* [Philosophy as a trinitarian heresy (about Sergei Bulgakov's book "The Tragedy of Philosophy")], in *Voprosy filosofii*, 2009, no. 7, pp. 158–170.
16. Darenskiy, V.Yu. *Eskhatologicheskaya antropologiya prot. Sergiya Bulgakova v trude «Apokalipsis Ioanna (Opyt dogmaticheskogo istolkovaniya)»* [Eschatological anthropology prot. Sergius Bulgakov in the work "The Apocalypse of John (The experience of dogmatic interpretation)"], in *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii (RKhGA)*, 2016, vol. 17, issue 3, pp. 40–53.
17. Dzhuzeppe Lo Verde. *Filosofiya troichnosti S. Bulgakova* [The Philosophy of S. Bulgakov's Trinity], in *Vestnik RGGU*, 2017, no. 1, pp. 109–126.
18. Evlampiev, I.I. *Religioznyy idealizm S.N. Bulgakova: «za» i «protiv»* [S.N. Bulgakov's religious idealism: pro and contra], in *S.N. Bulgakov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Bulgakova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya. T. 1* [S.N. Bulgakov: pro et contra. Bulgakov's personality and creativity in the assessment of Russian thinkers and researchers. Anthology. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2003, pp. 7–59.
19. Evtukhova, E. *Serp i krest: Sergey Bulgakov i sud'by russkoy religioznoy filosofii (1890–1920)* [Sickle and Cross: Sergei Bulgakov and the fate of Russian religious philosophy (1890–1920)]. Saint-Petersburg; Boston: Academic Studies Press, 2021. 400 p.
20. Gordeev, A.S. *Vliyanie filosofii polozhitel'nogo vseedinstva Vl. Solov'eva na uchenie o Sofii i filosofii khozyaystva v rabotakh O. Sergiya (Sergeya Bulgakova)* [The influence of the philosophy of positive unity Vl. Solovyov on the doctrine of Sophia and the philosophy of economy in the works of O. Sergius (Sergey Bulgakov)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2008, issue 16, pp. 195–205.
21. *O poslednikh dnyakh ottsa Sergiya (zapis' ochevidtsa)* [About the last days of father Sergius (record of an eyewitness)], in *Vestnik RKhD*, 1971, no. 101–102, pp. 85–86.
22. Nikulin, Maksim, svyash. *K voprosu ob otnoshenii k sofologii prot. Sergiya Bulgakova* [On the question of the attitude to sophiology prot. Sergiy Bulgakov], in *Aktual'nye voprosy tserkovnoy nauki*, 2020, no. 2, pp. 59–65.